

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*Круто
закручено*

ЭКСМО

Марина С. Серова
Круто закручено
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167069

Серова М. С. Круто закручено. Ключи от жизни. Дамские штучки:

Повести: Эксмо; М.; 2001

ISBN 5-04-008003-4

Аннотация

Каково это хрупкой молодой женщине – прийти вечером домой и под дверь обнаружить... труп незнакомого мужчины? А когда такое – два вечера подряд? Бр-р-р... Но если «хрупкая и молодая» – это не какая-то изнеженная особа, а частный детектив Татьяна Иванова, то вместо обмороков и визгов быстро закрутится следствие и приведет, естественно, к убийце. Только, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Вот и Татьяне придется поломать голову над разными загадками. В том числе и над появлением у ее порога двух покойников...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марина СЕРОВА

КРУТО ЗАКРУЧЕНО

Глава 1

Я сидела в машине, откинувшись на спинку, с тоской жевала холодные пирожки и внимательно слушала. До чего же я не люблю холодные пирожки! И до чего занудную работу нам, частным детективам, приходится иногда выполнять. А еще говорят, что мы дорого берем. Да за такое надо платить в три раза больше, а молоко за вредность выдавать два раза в день.

В наушниках назойливо жужжали голоса, доносились звуки шагов, обрывки каких-то разговоров, какой-то непонятный гул, какой-то непонятный скрип. В отчете я такое называю: «нормальный рабочий шум большого магазина». И весь этот нормальный, а по сути дела, совершенно ненормальный, шум перекрывал голос, ставший мне за два дня непрерывной слежки настолько знакомым, что я, кажется, запомню его теперь на всю оставшуюся жизнь. Сейчас голос произнес:

– Девушка, мне этот комплект покажите, пожалуйста! Нет, нет, не этот, а тот, который справа, розовый в крапинку...

Розовый ей хочется посмотреть, и обязательно, чтобы в

крапинку. Интересно, в какой отдел ее сейчас занесло? Вообще, давая согласие следить за ней, я никак не ожидала, что эта энергичная дамочка будет метаться по магазинам с таким упорством и такой скоростью. Похоже, она решила побывать везде, куда только может ступить нога покупателя. И времени она не щадила: ни своего, ни моего. Ее, кажется, интересовало все: в «Посуде» и «Тканях» она проводила столько же времени, сколько в «Сувенирах» и «Товарах для новорожденных». Она разглядывала, щупала, приценивалась, но ничего не покупала. Более того, ничего она в этих магазинах покупать не собиралась. Я это поняла еще вчера.

Мысль назначить встречу для передачи информации в каком-нибудь достаточно людном отделе супермаркета была неплоха и довольно легко осуществима. Так что я следовала за моей подопечной как тень, а магнитофон записывал каждую ее фразу, каждое слово. Но ни одной подозрительной встречи, ни одной подозрительной реплики я выделить не могла. Причем я уверена, что о слежке она не подозревала. То есть дамочка вполне могла предположить, что за ней следят, и поэтому соблюдала чрезвычайную осторожность. О моей скромной особе, ручаюсь в этом, она не имела никакого представления. Я ни разу не подошла слишком близко, ни разу не встретила с ней глазами. А если мы и встретились пару раз за эти два дня, она все равно меня не запомнила. В моей машине имелся в запасе небольшой гардероб, так что я имела возможность постоянно менять шляпки и

кофточки – первое и главное, что видит женщина. Спросите у женщины, какие глаза у ее собеседницы, и она затруднится ответить, а вот шляпку опишет со всеми подробностями.

Лариса Витальевна действовала весьма профессионально. Есть такой испытанный прием: если ты считаешь, что за тобой следят, – веди самый активный образ жизни. Например, ходи по магазинам, по базарам, будь постоянно в толпе, обменивайся репликами с незнакомыми людьми, усыпляй бдительность того, кто следит за тобой. А когда он привыкнет к этому твоему мельтешению, скройся или при малозначительном контакте передай своему контрагенту нужную информацию.

Меня от всех дамочкиных шпионских приемчиков злость брала: это она меня хочет перехитрить. Меня, знающую все подобные фокусы наперечет, от первого до последнего.

Сегодня я решила дать себе небольшую передышку. Села в машину, сбросила туфли, вытянула ноги и устроила скромный обед. Даму я, естественно, все это время продолжала аккуратно «пасти». Микрофон работал безотказно, магнитофон записывал, а я, уничтожая предусмотрительно захваченные с собой пирожки и запивая их горячим кофейком из термоса, внимательно слушала. И ручаюсь, что за все это время ни одного подозрительного звука, ни одного слова, которое могло бы послужить хоть чем-то вроде пароля, ни одного неоправданного шороха не было. Так что работала я пока впустую и клиенту своему ничего толкового сообщить не

могла.

Странный какой-то на этот раз попался мне клиент... Конечно, по долгу службы я достаточно часто сталкивалась с так называемой «изнанкой супружеских отношений». За несколько лет работы частным детективом меня нанимали и мужья – следить за женами, и жены – следить за мужьями, а также любовницы – за женами своих любовников, и жены – за любовницами своих мужей... Любовные треугольники для меня теперь просто ерунда, примитив и прошлый век. Мне приходилось работать с настоящими любовными многогранниками. И без ложной скромности я могу сейчас сказать, что стала крупнейшим специалистом в этой области.

Подобные дела, мягко говоря, не относятся к разряду моих любимых. Точнее – я эти внутрисемейные дразги вообще терпеть не могу. Но если частный детектив будет выбирать только ту работу, которая ему нравится, то он рискует остаться вовсе без клиентов. А, что ни говори, девушке надо кушать, причем желательно три раза в день. Одежда ей тоже нужна, и качественная косметика, и кое-какая современная оргтехника. Существуют и некоторые другие потребности... А именно гонорары за столь нелюбимые семейные дела составляют основную долю моего ежемесячного дохода.

Так вот, несмотря на то что я хорошо знаю многочисленные сложности в супружеских отношениях, этот клиент сумел меня удивить. Явился он без предварительного звонка, весьма сухо представился, сунул мне визитку, очень при-

личного, кстати, качества. Ламинированную, с голографическим значком и изящным шрифтом на двух языках напечатанными данными: Вересов Геннадий Валентинович, директор НПКФ «Химсинтез», домашний и рабочий адрес, телефоны.

Ему почему-то не понравилось мое кресло. Оно, конечно, не итальянское, а наше, изготовленное местной фабрикой. Но кресло вполне приличное, не раз сиживали в нем – и никаких претензий не заявляли! – люди довольно ответственные. Среди них даже был, между прочим, один академик. И сидел он в этом кресле с удовольствием. А этот как-то нехотя присел на краешек, не касаясь спинки, будто боялся испачкать серый, довольно плохо сидящий на нем пиджак, и хмуро уставился на меня.

Да бог с ним, с креслом. Клиенту ведь и я не понравилась. Уж не знаю, чем я ему так не угодила? Мне, конечно, далеко не восемнадцать, но и тридцать будет совсем не скоро. Выгляжу я для своих лет очень даже прилично: спортивная подтянутая фигурка, прекрасные светлые волосы (о том, чего мне стоит держать их в столь ухоженном состоянии, промолчим), хорошая кожа, привлекательное личико, неброский макияж. Я не настаиваю на том, что все мужчины без исключения должны падать без сознания к моим ногам, но и к столь суровым взглядам не привыкла. И привыкать не собираюсь.

Тем более что сам посетитель никак не мог претендовать

на титул «мистер Вселенная». Напряженно выпрямившись, словно я предложила ему не мягкое удобное кресло, а кухонную табуретку, передо мной сидел человек среднего роста, лет сорока, с невыразительным лицом и полулысиной, обрамленной тусклыми, словно припорошенными пылью, редкими волосами. Неопределенного цвета светлые глаза и удлинённый, выдающийся вперед подбородок общего впечатления никак не улучшали. Костюмчик на нем тоже был средненький и довольно поношенный... И эта серая личность еще имела нахальство не прийти в восторг от моей внешности!

Я повертела в руках жесткий прямоугольник визитки и сказала довольно сухо:

– Слушаю вас, э-э... Геннадий Валентинович.

– Мне рекомендовали вас как человека, работающего четко и эффективно, – и голос у него был какой-то каркающий. М-да, встречались в моей практике клиенты и посимпатичнее. – Кроме того, мне сказали, что вам можно доверить конфиденциальную информацию...

Последняя фраза прозвучала скорее не как утверждение, а как вопрос. Я с достоинством наклонила голову:

– Конфиденциальность есть основополагающее правило моей деятельности.

– Хорошо, – он пожевал немного губами, продолжая меня разглядывать. – Должен признаться, Татьяна Александровна, я представлял себе вас несколько... иначе. Но это не важ-

но. Я сейчас нахожусь в довольно сложной ситуации. Моя жена... – он снова замолчал.

Я терпеливо ждала продолжения. Конечно же – жена. Из-за кого же еще могут появляться у меня подобные типы? Такие вот серые и полулусые приходят ко мне исключительно из-за жен. Ха, он в сложной ситуации! В простых ситуациях люди ко мне не обращаются, решают свои проблемы сами. Сейчас скажет, что у него сложилось впечатление, будто у жены есть любовник. И он хотел бы иметь доказательства...

– Моя жена... – наконец продолжил Вересов, – я подозреваю, что она передает некоторую информацию... Важную техническую информацию, – подчеркнул он, – представителям конкурирующей фирмы.

Ого! Вот, оказывается, какая птица ко мне залетела! Адюльтером здесь и не пахнет. Это пернатое совсем другой породы. Здесь пахнет промышленным шпионажем. Такой поворот дела меня вполне устраивал.

– Для подозрений есть серьезные основания? – я вынуждена была подать голос, потому что Геннадий Валентинович снова замолчал.

– Основания? – Он встал и начал расхаживать по комнате. – Основания имеются. Первое. Наша фирма давно ведет разработки в области... – Вересов остановился, с некоторым сомнением взглянул на меня и снова зашагал. – Одним словом, это что-то вроде сверхпрочного волокна на негорючей основе. Причем себестоимость, которой мы в состоянии до-

биться при промышленном выпуске, сделает производство этого волокна очень выгодным. Кроме нас, в Тарасове имеется еще одна фирма, занимающаяся той же проблемой. – Он задержался у окна, повернулся к нему спиной и положил руки на подоконник. – Когда-то давно, еще при советской власти, мы все дружно работали в одном НИИ. Знаете, как это бывает: террариум единомышленников... Потом практически каждая лаборатория превратилась в отдельную частную фирмочку. Барахтались все очень активно и усердно, но выжить в конечном результате удалось только двум: нам и нашим, теперь основным, конкурентам – фирме «Менделеев». Возглавляет ее бывший сотрудник нашего института Андрей Григорьевич Сивопляс. Человек, скажу вам, весьма нечистоплотный. Я знаю его достаточно хорошо и могу вас заверить, что он способен на любую подлость.

Геннадий Валентинович с силой оттолкнулся от подоконника и снова стал расхаживать. Находясь в движении, он явно чувствовал себя гораздо комфортнее. А может быть, все дело в том, что он наконец принял решение и теперь перекладывал свои сложные проблемы на мои хрупкие плечи.

– Так вот, когда мы начинали, естественно, отправная точка была общая – наследство нашего безвременно сгинувшего в пучине перестройки института. Но я же знаю, кто собрался в «Менделеев»... Их и близко нельзя сравнивать с моими ребятами! Они там вполне толковые специалисты, но не разработчики – исполнители, своих идей ни на грош...

И, представьте себе, в последнее время они стали нас догонять. Причем не просто быстро, а слишком быстро. Недавно впервые заговорили о выпуске своего, якобы разработанного ими, волокна. Не знаю... Некоторые у нас, в совете директоров, считают, что у меня мания преследования... Но технические характеристики, которые они анонсировали... Они же один к одному совпадают с нашими!

Вересов довольно неожиданно для меня прервал свое хождение, почти подбежал к креслу и рухнул в него. То ли признал все-таки, что в моем кресле тоже можно сидеть, то ли совершил этот поступок в состоянии аффекта. Я так и не успела обдумать его поведение, потому что он тут же вскочил, выпрямился, протянул вперед правую руку и страшным голосом произнес: «Никогда!» Ну прямо как благородный герой на спектакле художественной самодеятельности.

– Никогда! – так же горячо повторил он. – Да никогда не поверю, что «менделеевцы» за какие-то полгода, без посторонней помощи, сумели получить результаты, над которыми мы работали несколько лет!

– Ясно, – его недавняя сухая деловитость была мне по душе гораздо больше, чем теперешняя пылкость. – Вы уверены, что существует утечка информации. Но почему вы думаете, что в этом виновата ваша жена?

– Круг лиц, имеющих доступ к материалам, в которых зафиксирован процесс выработки волокна, достаточно узок, – Геннадий Валентинович пожал плечами. Он словно почув-

ствовав мое отношение и снова стал серым и невыразительным. – Мы, конечно, не режимное предприятие, особой секретности у нас никогда не было, но важные документы хранятся в сейфе, так что человеку со стороны добраться до них... не знаю, достаточно сложно. А Лариса... Лариса Витальевна... Я довольно часто работаю дома, так что она имеет возможность... – голос его чуть дрогнул, но он откашлялся и твердо закончил, – имеет возможность видеть материалы самых последних данных по нашим разработкам.

Вересов опять встал, подошел к окну и несколько секунд молча смотрел во двор. Потом, не оборачиваясь ко мне, продолжил:

– Я не представляю, что могло толкнуть ее на это. Нет, что я говорю, конечно, представляю. Ларочка моя не то чтобы глуповата... Хотя звезд с неба она, конечно, не хватает. Я бы сказал так: она недопустимо наивна, не по нашей жизни. И вполне может быть, что ее обманули... Этот Сивопляс, я уже, кажется, говорил вам, человек крайне нечистоплотный. А тут еще я... Последнее время наши отношения с женой несколько испортились. Лариса Витальевна почти не бывает дома. Я уже не помню, когда мы последний раз разговаривали по душам, месяц, может быть, прошел. – Он отвернулся от окна, но смотрел не на меня, а на свои руки, сжимая и разжимая пальцы, разглядывал их так, словно видел впервые в жизни. – Откуда-то взялась целая толпа подруг, у нее постоянно какие-то дела, какие-то встречи и вообще... У нас

довольно большая разница в возрасте, и я постоянно занят на работе, так что возможно... Я хочу, чтобы вы проследили за ней. Да, да, именно проследили. Мне кажется, что во время этих встреч она передает информацию...

– Геннадий Валентинович, если ваша жена даже с кем-то встречается, почему вы решили, что это обязательно связано с разработками вашей фирмы?

– Мне наплевать, если она нашла себе любовника! – Он взорвался так неожиданно, что я чуть не подпрыгнула. – Поняли?! На ее мужиков мне наплевать! Но если она ворует информацию и передает ее конкурентам, то это перестает быть моим личным делом, судьба слишком многих людей зависит от результатов нашей работы!

К тому, что клиенты не всегда со мной откровенны, я давно привыкла. А у этого явно два больных места: технология и жена. Если ему действительно наплевать на то, с кем встречается его жена, зачем же так орать?

Вересов тем временем взял себя в руки и продолжил в своей обычной деловой манере:

– Для нашей фирмы очень важно выйти на рынок с волоконными первыми. Столько сил потрачено, столько денег. Люди работали как каторжные. И что, все зря? Только из-за того, что я не смог справиться с женой? Простите, у вас попить не найдется?

– Что? Ах, да, конечно! Чай, кофе, минералка?

– Минералки, если можно, холодненькой.

Я достала из холодильника бутылку «Славяновской», налила воды в высокий, тонкого стекла стакан, подала ему. Бутылку поставила на стол и снова села, ожидая продолжения. Вересов жадно, в несколько глотков, выпил минералку, налил еще и со стаканом в руке снова отошел к окну.

– Не знаю, насколько сложной будет ваша задача, никогда раньше не приходилось следить за собственной женой, – его передернуло. – Но должен предупредить, что Лариса Витальевна умная женщина и, если она действительно замешана в делах с «Менделеевым», будет очень осторожна.

– Геннадий Валентинович, вы не совсем последовательны, – решила я уточнить деталь, для меня немаловажную. – Как вы все-таки считаете, умна ваша жена или глуповата?

– Ну, ум у нее, я бы сказал, по-женски избирательный. – стакан в руке помогал ему держаться спокойнее. Он делал маленькие глотки между фразами и продолжал говорить ровным голосом: – В химии она полный профан. Что периодическая система элементов действительно существует, она просто поверила мне на слово.

– Но знание химии, кажется мне, вовсе не главное достоинство для женщины. И тем более – для жены.

– Наверное. – Он сделал очередной глоток. – Но иногда хочется вечером, после работы, поговорить с близким человеком о том, что было сделано за день. Если бы она лучше представляла себе, чем я занимаюсь, может быть, мы все и не попали бы в эту кошмарную ситуацию. А так, как человек,

как женщина, Лариса Витальевна очень умна. Вы знаете, мы прожили уже шесть лет и... в данной ситуации это, конечно, звучит нелепо и смешно... но мы были счастливы. – Он наконец поднял голову и уставился на меня своими светлыми глазами. – Не так давно она рылась в моих бумагах. Она потом постаралась привести все в порядок, но это невозможно – я сразу заметил.

– И как ваша жена это объяснила?

– Я не говорил с ней об этом. – Вересов продолжал смотреть мне в глаза. – Я ни о чем ее не спрашивал. Я... не могу.

И он еще рассуждает о «по-женски избирательном уме»! Ведь неглупый, наверное, мужик, химик, директор фирмы. Волокна вон какие-то новые изобретает. А поговорить с женой по-человечески не может, к частному сыщику бежит. Ну что ж, не мне жаловаться, именно благодаря таким людям я зарабатываю на свой кусок хлеба.

– Значит, если я правильно поняла ваше задание, вы поручаете мне следить за вашей женой с тем, чтобы доказать ее участие или ее полную непричастность к промышленному шпионажу, направленному против вашей фирмы?

– Я... Да. Участие или полную непричастность.

– Тогда я вынуждена задать вам еще несколько вопросов. И, пожалуйста, отвечайте на них откровенно, ибо задаю я вам их не из праздного любопытства, а для того, чтобы выстроить план своей работы.

– Буду предельно откровенен, – согласился он, не задумы-

ваясь.

– Деньги. Нуждается ли Лариса Витальевна в деньгах? Не могла ли она продать результаты ваших исследований, чтобы получить значительную сумму?

– Не думаю. Лишних денег у нас нет, но Лариса Витальевна вполне обеспечена. Потребности у нее не особенно велики, и она имеет полную возможность их удовлетворять. Нет, в деньгах она не нуждается.

Ответ чистосердечный, но меня он не удовлетворил. Редко какой мужчина может себе представить, каковы потребности женщины в деньгах. Даже не в деньгах, а в тех предметах, которые можно за деньги приобрести. Так что деньги в качестве причины пока остаются.

– Шантаж? Не замечали вы последнее время что-нибудь странное в поведении жены? Какое-нибудь беспокойство, нервные срывы?

– Нет, не замечал... А точнее, откровенно говоря, не обращал внимания. Я ведь говорил – последнее время мы не очень-то ладили.

Понятно, значит, и шантаж не исключен.

– Любовник?

– Здесь я вам тоже ничего сказать не могу.

– Какие-нибудь другие причины? Что-нибудь неестественное, что бросилось вам в глаза? Подумайте, постарайтесь вспомнить.

Он думать не стал. И вспомнить тоже не попытался.

– Нет, никаких причин, которые могли толкнуть Ларису Витальевну на то, чтобы передать кому-то формулы, я не вижу. Поэтому к вам и обратился.

Что же, все правильно. Сам разобраться не может, поэтому ко мне и обратился. И ни одна из названных мною версий не исключается. Как и все остальные, которые я не называла и о которых пока представления не имею.

– Хорошо. Я возьмусь за эту работу. Теперь обсудим технические детали.

Основной технической деталью является, естественно, мой гонорар. Вересов, не моргнув, согласился на мою ставку – двести долларов в день и тут же заплатил аванс. Похоже, пора повышать расценки.

Потом мы поехали к нему. Супруги дома не оказалось. Кажется, только у себя в квартире, стоя посреди спальни, куда он привел меня, совершенно постороннюю женщину, и рассказывая мне о жене, Вересов начал понимать некоторую неэтичность своего поведения. Ему было явно неловко, но держался он неплохо и ответил на все мои вопросы. Угрюмо и коротко, но ответил.

– Нет, машину Лариса Витальевна сама не водит. Иногда она просит меня подвезти ее куда-нибудь, но в основном пользуется общественным транспортом... Платье? Да нет, каждый день разные. У нее их много. Я, конечно, не приглядывался, но вроде вчера она была в красненьком сарафанчике, а сегодня ушла в чем-то таком зеленоватом. Топик

и юбка, кажется... Сумочка одна, крохотный ридикюльчик на длинном ремешке. А все покупки складывает в пакеты. Знаете, как в американских фильмах, там герои всегда возвращаются из магазинов с охапкой разных пакетов, вот и Ларочка так же...

Я с умным видом кивала головой, слушая, как он, морща лоб и сбиваясь, перечислял ее подруг, диктовал адреса шейпинг-клуба и парикмахерской, заглядывая в большой блокнот, который он выудил из глубин секретера. Вересов старался держаться холодно-нейтрально, но по тому, как он несколько раз оговорился, сказав «Ларочка» вместо «Лариса Витальевна», по тому, как он отвернулся, когда я бесцеремонно рылась в платяном шкафу и на книжных полках, было ясно, насколько все это для него неприятно и мучительно.

Кстати, подбор литературы показался мне забавным. Несколько любовных романов, среди них пара знакомых мне, довольно неплохих; детективы Гарднера и Дика Фрэнсиса, фантастика – Андре Нортон, Урсула ле Гуинн и Лоис Буджоулд. Несколько неожиданно в этой компании смотрелись сборники пьес Бернарда Шоу и Оскара Уайльда, и уж совсем меня удивил потрепанный томик Лессинга из «всемирки». А вы, оказывается, сентиментальны, Лариса Витальевна...

Плюнув на собственные интересы и оставив в покое книги, я спросила у Вересова:

– Геннадий Валентинович, а может, зря вы все это зате-

или? Сядьте вечером с женой, поговорите с ней... Честное слово, я с вас даже денег за сегодняшний день не возьму, аванс верну!

– Нет, – он хмуро посмотрел на меня. – Убедительно прошу вас, Татьяна Александровна, заняться этим делом и довести его до конца.

– Ладно, – пожала я плечами. В конце концов, как этот изобретатель сверхпрочных волокон будет с женой объясняться, когда я уличу ее в шпионаже, не мои проблемы. – Тогда попрошу вас,

когда Лариса Витальевна придет, прикрепите этот микрофон к ее сумочке. Она ведь всегда с одной и той же сумочкой из дома выходит, я правильно вас поняла?

– Да, – Вересов растерялся. – Но как же? Что, вы и разговоры ее будете записывать?

– Геннадий Валентинович, – я старалась говорить как можно более ласково, – давайте еще раз повторим. Вы хотите знать, с кем встречается ваша супруга, о чем она разговаривает и не идет ли речь в этих разговорах о секретной информации, касающейся работ, которые ведут в лабораториях вашей фирмы, так?

– Так, – вынужден был он согласиться.

– Тогда попробуйте представить себе, как я об этом узнаю? Думаете, я превращусь в мушку-дрозофилу и стану кружить над головой Ларисы Витальевны, запоминая все ее встречи и разговоры?

– Нет, конечно! Просто я не ожидал... микрофон...

– Микрофон и магнитофон являются в наши дни простейшими техническими средствами, необходимыми при осуществлении элементарной слежки, – вынуждена была я заняться просвещением щепетильного клиента. – Что вас так пугает, Геннадий Валентинович?

– Да нет, ничего, Татьяна Александровна. Разумеется, вы совершенно правы. Просто для меня это все немного непривычно.

– Естественно, непривычно, – согласилась я. – Так вы прикрепите микрофон?

– Да, конечно, давайте.

– Вот, – тонкая булавочка микрофона в его больших пальцах казалась совсем крохотной. – Воткнете в сумочку сбоку. Я буду и слушать, и записывать, так что сможете получить полный отчет. Причем не только с моих слов, но документально достоверный. Да, еще одна проблема. Насколько я понимаю, к вашему сейфу с документацией у Ларисы Витальевны доступа нет.

– Исключено. У нас на работе она не бывает.

– Значит, единственным источником информации для нее могут служить материалы, которые вы берете домой?

– Совершенно верно. Поэтому я вот уже несколько дней не работаю дома. При необходимости задерживаюсь в фирме.

– Понятно... Тогда у меня к вам такая просьба. Сегодня

возьмите какие-то материалы домой. Поработаете вечером. А потом оставите их где-нибудь так, чтобы супруга могла с ними ознакомиться...

– Как?!

– Я что, непонятно объясняю?

– Но это же почти провокация!

– Если вы не принесете домой документы, то узнать, замешана ли ваша супруга в передаче секретной информации, будет совершенно невозможно. Это вы понимаете?

– Это я понимаю, – вынужден был согласиться Вересов.

– Вот и хорошо. И берите домой материалы не основополагающие, а такие, чтобы, если их передадут конкурентам, не случилось ущерба для вашей фирмы.

– Понял...

Он наконец действительно понял, что с серьезным делом и разбираться надо серьезно, профессионально. А профессионал в этом деле из нас двоих я. Так что слушаться меня и выполнять мои рекомендации ему придется.

– Вот, кажется, и все пока. Вы будете мне звонить, или лучше мне самой?

– Пожалуй, лучше я, – он снова, прямо-таки на глазах, набирал уверенность.

– Значит, договорились, с завтрашнего утра начинаю работать.

Глава 2

И вот уже два дня, как я хвостиком мотаюсь за Ларисой Витальевной. Не знаю, как мой клиент, но я на сто процентов уверена, что если бы Вересов послушался меня и тихо-мирно поговорил с женой, то сэкономил бы кучу «зеленых» и в два раза больше своих драгоценных нервов, которые, как известно, в отличие от долларов, восстановить нельзя.

Ага, вот и моя подопечная! Куда теперь отправимся? Оказалось, совсем недалеко. Лариса Витальевна остановилась перед входом в кинотеатр, долго разглядывала афишу, потом решительно направилась к кассе.

Я торопливо выбралась из машины. Правильно, темный полупустой зал кинотеатра – идеальное место для тайной встречи и передачи сведений. Действует наша Лариса Витальевна прямо как по учебнику для начинающих шпионов. Если, конечно, такой учебник есть... А мы вроде бы идем к финишу. Кажется, я все-таки дождалась, хотя буквально полчаса назад уж совсем было решила, что и этот день ничего не даст. Интересно посмотреть, с кем моя подопечная сейчас встретится.

Пробегая к входу, я мельком взглянула на афишу: «Травиата», фильм-опера! Да, конечно, Верди – гениальный композитор, а Дзеффирелли – гениальный режиссер, но... Кто по доброй воле пойдет смотреть в кинотеатре фильм-оперу?

Или очень большой любитель этого искусства, или тот, кому на какое-то время необходимо укрыться в темном зале.

Предъявив билет пожилой контролерше, которая с гораздо большим интересом посматривала в сторону игровых автоматов, где два пацана резались в бильярд, чем на синенькие бумажки, которые совали ей редкие зрители, я скользнула в зал следом за Ларисой Витальевной.

Назвать зал полупустым было бы с моей стороны серьезным преувеличением. Кроме нас с Вересовой там находились: целующаяся парочка на последнем ряду (почему-то мне показалось, что эти двое остались с предыдущего сеанса – ну не заметили ребята, что кино кончилось), мамаша с девочкой лет десяти, что-то очень тихо объясняющая дочери, четыре девицы и два парня, судя по горе футляров, сваленных на соседних креслах, студенты консерватории, еще одна мамаша с девочкой постарше и две пожилые женщины. Одним словом, свободных мест было достаточно.

Лариса Витальевна уверенно прошла в глубь зала, примерно на шестнадцатом ряду повернула, так же уверенно выбрала кресло в середине ряда, села, откинулась на спинку и расслабилась. Я заняла место неподалеку, в следующем ряду, так что мне было прекрасно видно каждое ее движение, и с интересом ждала, кто усядется рядом с ней. Пока на ближайших четырех рядах никого не было. Кстати, я давно не заходила в кино, а здесь, оказывается, за это время мебель сменили. Кресла были на удивление удобные.

В зал заглянул мальчишка, один из тех, что играл на бильярде, скорчил нам рожу и исчез. Тут же, без всяких звонков и прочих предупреждений, погас свет и на экране засияло голубое небо Франции. Вересова востепенулась и полезла в сумочку. Я напряглась, но она достала оттуда всего лишь носовой платок и устремила взгляд на экран. Все места вокруг нее по-прежнему были свободны. Но это ничего не значило. Сообщение, по договоренности, можно оставить в условленном месте.

Дальнейшие полтора часа прошли очень однообразно. Я не сводила взгляд с Ларисы Витальевны, боясь пропустить малейшее подозрительное движение, а она, столь же пристально наблюдала за страданиями героев. Держалась она вплоть до появления папаши Жермона. Потом начала потихоньку всхлипывать, на балу у Флоры расплакалась окончательно, а финальное появление Альфреда встретила бурными рыданиями. Правда, надо признать, что остальные зрители реагировали примерно так же, даже девчонки-консерваторки потихоньку хлюпали. И правильно, если ты женщина и сознательно идешь на «Травиату», то прежде всего для того, чтобы оплакать несчастную любовь... Самыми крепкими оказались ребята-студенты, я, поскольку была на службе и на экран косилась только краем глаза, и парочка на последнем ряду, конечно. Эти еще не знали, что такое несчастная любовь, и вообще ни на что не обращали внимания.

Когда несчастная, оплакиваемая отцом и сыном Жермон,

Виолетта наконец умерла и в зале вспыхнул свет, Вересова, уткнувшись в платочек, всхлипывая и спотыкаясь, двинулась к выходу. Я прошла по ее ряду и, уронив сумочку, быстро, но тщательно обшарила кресло, на котором сидела она, и два соседних. Поскольку контактов никаких не произошло, она должна была где-то здесь оставить свое сообщение. И мне следовало его забрать. Проверила я все довольно основательно, но, к своему удивлению, так ничего и не нашла.

На улице уже темнело. Лариса Витальевна неторопливо двинулась домой. Она все еще не могла успокоиться и время от времени подносила платочек к глазам. Я добросовестно проводила ее до самого дома и, только услышав в наушниках равнодушный голос Вересова: «Лариса? Ты поздно сегодня» и ее невнятный ответ, выключила магнитофон и поехала к себе.

Вот в это самое время я наконец поняла, какая я дура! Балда! Такая балда, что пробу ставить негде. Я ведь поверила во всю совершенно дикую чепуху, что нес мой чокнувшийся на бдительности клиент. В этой истории глупей меня выглядел только сам Вересов. А основная разница между нами сейчас заключалась в том, что я уже поняла, какая я дура, а он все еще не понимает, какой он дурак.

Это же надо быть таким носорогом толстокожим! Ну не умеешь ты с женщинами обращаться, купи инструкцию! Сейчас, слава богу, на любом книжном лотке целая куча са-

мых разных пособий, гораздо более подробных, чем правила обращения со стиральной машиной. Так нет же! До этого ученый бизнесмен додуматься не может. Он, понимаете ли, двигает прогресс, новое волокно изобретает, сверхпрочное, а жена его в химии совершенно не разбирается. Ему, понимаете, хочется вечером с ней о химических формулах поговорить, а она этой занимательной теме не соответствует... Дуб стоеросовый! Феодал старорежимный!

Романтичная Ларочка, нарыдаввшись на «Травиате», приходит домой и вместо того, чтобы доплакать на груди любящего мужа, натывается на этот ходячий кактус: «Лариса? Ты поздно сегодня!» Ох сбежит она от него! Встретит человека, который ей улыбнется, и сбежит. И правильно, между прочим, сделает...

Размышляя о том, как я повела бы себя на месте Вересовой, я поставила машину на стоянку во дворе и зашла в подъезд. Пока я медленно поднималась по лестнице, на которой из какой-то квартиры вкусно пахло борщом, размышления мои приняли другое направление. Теперь я подумала о том, как устала, и попыталась вспомнить, что у меня в холодильнике есть такого, из чего можно соорудить ужин.

А когда вошла в квартиру и сбросила туфли, поняла: на то, чтобы готовить, нет ни сил, ни желания. Как же изматывает бестолковая работа! Бродишь за подопечной, бродишь, и все время настороже, как бы она тебя не вычислила. От такой «прогулки» устаешь, будто кирпичи носила...

И все же съесть что-нибудь надо. Я вынула из холодильника две сосиски, сунула их в микроволновую печь. Вот вам, барышня, и ужин. Простенько, без особых затрат, но достаточно питательно. Зато я вволю побаловала себя большой, почти пол-литровой, кружкой черного кофе. И сразу стало веселей.

Раз такое дело, решила заняться рутинной – ненавистой мне канцелярией. Не знаю, как это было раньше, но в современных условиях детективу без канцелярии никак нельзя. Письменный отчет нужен в двух экземплярах: один клиенту, второй себе в архив. Счет тоже в двух экземплярах: один, опять же, клиенту, второй – для налоговой инспекции. И подробный отчет о расходах, которые идут за счет клиента: всякие чеки, билеты, все это надо описать и приложить. Кроме того, необходимо в особом журнале зарегистрировать заказ, характер работы, время ее выполнения, данные клиента и результаты. Это – если милиция или прокуратура заинтересуются. Так что контора не простаивает. «Контора пишет», как говаривал незабвенный Остап Бендер.

Работу с Вересовыми, будем считать, я закончила. Теперь следует оформить все нужные документы, и чем раньше – тем лучше. Так что пришлось мне садиться за письменный стол. В отчете я сообщила Вересову, что его подозрения в отношении супруги не подтвердились, к утечке информации она никакого отношения не имеет. И что ни с кем из мужчин она в эти дни также не встречалась. В качестве доказатель-

ства приложила все сделанные мною записи. Пусть слушает. Там записей часов на десять. Пока Вересов их все прослушает, поймет, какой он непроходимый идиот, и побежит мириться к своей Ларисе Витальевне. И это будет хорошо.

Глава 3

Вересов позвонил около десяти часов утра. Видно, приехал в свою фирму, разобрался с текущими делами – и сразу к телефону. Еще бы: по сути дела, на кону стояли и его семейная жизнь, и существование фирмы, которой он очень дорожил. Так что стремление побыстрее узнать результаты моей работы вполне понятны.

Я попросила его приехать и, по возможности, в самое ближайшее время. «Де-факто» я свою работу закончила, и теперь мне хотелось побыстрее закончить ее «де-юре».

– Каковы результаты? – не удержавшись, спросил Вересов.

Я понимала его нетерпение, но рассказывать что-либо принципиально не стала.

– Геннадий Валентинович, вы же понимаете, что по телефону я вам ничего сказать не имею права. Разговор сугубо конфиденциальный.

Право-то я имела. Разговор наш ни на военную, ни на государственную тайну не тянул, но уж очень мне хотелось посмотреть на этого погрязшего в химических формулах и конкурентной борьбе сухаря, когда я сообщу, что жена его чиста и невинна, как голубка.

– Хорошо, все бросаю и еду, через пятнадцать минут буду у вас, – немедля согласился клиент.

А куда ему было деваться? И по тому, как быстро он появился, я поняла, что Вересов действительно все бросил и буквально примчался.

Таким я его еще не видела. Приходилось мне, когда еще работала в прокуратуре, наблюдать за подсудимыми в момент вынесения приговора. В их глазах, лице, во всей фигуре ясно читалась совершенно неестественная смесь самых разных чувств: безысходности, покорности воле рока и... надежды. Несмотря ни на что – надежды! Вот так и выглядел сейчас директор этого самого научного «Химсинтеза» и муж Ларисы Витальевны, Геннадий Валентинович Вересов.

На мое кресло он вообще никакого внимания не обратил: рухнул в него, совершенно не замечая, на что садится. Рухнул и воззрился на меня широко распахнутыми глазами. Я, очевидно, представлялась ему в виде судьбы, могущественной и беспристрастной. Вот и хорошо, люблю, когда меня уважают, тем более что новости у меня для него имелись определенно хорошие. С причиной утечки информации, правда, ничего не ясно. Но ведь задача разобраться в ней передо мной и не ставилась. Зато с женой полный порядок. А хорошие отношения с женой важнее любого волокна, даже если оно чрезвычайно крепкое и не горит. Жаль, что не все это понимают.

Я коротко, не вдаваясь в подробности (подробности в письменном отчете), сообщила не только о результатах работы, но и мое мнение о его отношении к Ларисе Витальевне

и в связи с этим о ее состоянии и поведении. Говорила я вообще-то довольно резко, так что мог бы и обидеться, сказать мне, что лезу не в свое дело. Но не обиделся, а, наоборот, стал оживать. И щеки у него порозовели, и глаза приобрели вполне осмысленное выражение, и весь он стал каким-то другим, раскованным и добрым. Мне кажется, об утечке информации он сейчас и не вспомнил, думал только о жене и был счастлив, что подозрения его не оправдались и все кончилось хорошо.

– Я вам очень благодарен, Татьяна Александровна... – чувствовалось, что мысли его сейчас были где-то далеко и ему трудно сказать что-нибудь более содержательное. – Чрезвычайно благодарен. Вы спасли мою семью... Вы не представляете себе, как я вам благодарен...

– Это у нас профессия такая, – все-таки приятно, когда сделаешь что-нибудь доброе. – По мере возможности помогаем людям. Хотите, Геннадий Валентинович, я вам дам хороший совет, причем совершенно бесплатно.

– Конечно, конечно, Татьяна Александровна. Я вас очень внимательно слушаю.

Он теперь был согласен на все, что бы я ни предложила, а тут еще и совершенно бесплатная консультация, что в наше время происходит не особенно часто.

– Вы сейчас, прямо отсюда, позвоните на работу и скажете, что сегодня туда не вернетесь...

Он послушно кивнул, но по взгляду чувствовалось, что не

мог понять, почему ему сегодня не следует идти на работу.

– Поезжайте домой, – продолжила я, – возьмите свою Ларису Витальевну и отправляйтесь с ней в Парк культуры и отдыха. Покатайте ее там на лодке, на качелях, каруселях, на всем, на чем только можно катать. Сводите ее в комнату смеха. Не забудьте угостить мороженым и непременно купите цветы. И скажите ей, что вы ее любите. В общем, вспомните, как вы за ней ухаживали, и сделайте все то же самое...

Вот так я выдала ему свою сокровенную мечту. Мне уже давно – очень давно! – хотелось, чтобы кто-нибудь катал меня на лодке, угощал мороженым, дарил цветы и, конечно же, шептал о том, как он меня любит...

Вересов оценил. Понял и оценил.

– Можно позвонить? – спросил он.

– Конечно, – пододвинула я телефон. – Конечно, звоните, чего же время терять.

Он позвонил и довольно весело сообщил кому-то из своих заместителей, что занят и пусть его сегодня не ждут. А на какой-то вопрос так же весело ответил: «Вот вы и разберитесь. Разберитесь и сделайте все как надо!» После этого он бережно положил трубку на место и посмотрел на меня. Так смотрит мальчишка, выполнивший указание старшего и ждущий теперь одобрения.

Я одобрила.

– Все правильно, – сказала я и в качестве поощрения улыбнулась ему. – А теперь мчитесь домой, берите Ларису

Витальевну, и в парк. Да, не забудьте попросить у нее прощения...

– Конечно, конечно... – послушно согласился он. – Это само собой разумеется.

Но тут же – ох уж мне эти мужики! – уточнил:

– А за что?

– За невнимательность! За то, что погрязли в своей работе и мало уделяли внимания этой прелестной женщине! За то, что портите ей жизнь! За все!

– Правильно! – он, кажется, даже обрадовался, что теперь знает, за что ему надо просить прощение. – Я так и сделаю. Непременно!

Вересов вскочил с кресла и помчался к выходу. Хлопнула дверь, а я подумала: что ж, пусть бежит, пока не растерял свои вновь обретенные достоинства – хорошее настроение и доброту.

Буквально через минуту зазвенел звонок. Интересно, кого это принесло в столь ранний час? Знакомые знают, что утром я обычно не в духе, и приходят ко мне, как правило, только во второй половине дня. Я открыла – передо мной опять возник озабоченный Вересов.

– Татьяна Александровна, извините за забывчивость. Со всей этой историей я стал непозволительно рассеянным. Я ведь должен оплатить вашу работу, а у меня нет с собой достаточной суммы денег. Знаете, когда вы позвонили, я совершенно об этом не подумал. Надеюсь, вы меня понимае-

те... Может быть, мы отложим расчет до завтра?

– Конечно, конечно, – успокоила я клиента, взяла со стола подготовленный пакет и протянула ему. Вересов так быстро ушел, что я не успела его отдать. Или тоже стала непозволительно рассеянной? – Вот вам полный письменный отчет о проделанной работе, аудиокассеты с записями всех разговоров вашей супруги и счет... Ознакомитесь со всеми материалами на досуге... А оплатить, естественно, можете завтра.

Он послушно взял пакет, попытался сунуть его в карман, но не преуспел в этом и прижал к груди.

– Еще раз спасибо, Татьяна Александровна. Я вам очень благодарен. Вы оказали мне неоценимую помощь. Завтра я с вами полностью рассчитаюсь. Так я побежал...

Вот теперь работу с Вересовым можно считать законченной. Заплатит он завтра по счету, и я с чистой совестью смогу забыть и о нем, и о его Ларочке, и о его химической фирме...

Пока я так размышляла, опять прозвучал звонок. Он у меня очень мелодичный, звонит приятно. Вот только не люблю я подолгу стоять у дверей, каждую минуту открывая и закрывая их. Но открыть, конечно, придется. Не иначе кто-то узнал, что я освободилась, и ко мне с нетерпением ломится очередной клиент. А роскоши не впускать клиентов я себе позволить не могу.

Я отворила дверь. Эту личность никак нельзя было назвать очередным клиентом. Клиент был все тот же – на пороге стоял основательно надоевший мне Вересов. И по моему

взгляду, по выражению моего лица ему, очевидно, нетрудно было догадаться, о чем я подумала.

– Татьяна Александровна, извините, но я опять вернулся, – поспешно сообщил он, едва переступив порог.

Особой радости от этого его возвращения я не испытывала, но и гнать его в три шеи не могла. Все-таки клиент, к тому же еще не расплатившийся. Я просто преградила Вересову дорогу и ждала, чем он станет оправдывать свою назойливость.

– Только выйдя от вас, я сообразил, что вот это все, – он потряс аккуратным пакетом, который я ему только что вручила, – мне совершенно не нужно. Я не стану читать вашего отчета. И кассеты ваши слушать тоже не буду. Так что заберите их и уничтожьте. Они никому не нужны. А счет я завтра же оплачу. Так что до завтра.

Он сунул мне в руки пакет и снова исчез за дверью. И после этих слов я зауважала его, потому что он поступил как настоящий мужчина.

Некоторое время я еще постояла возле дверей: вдруг Геннадий Валентинович опять о чем-то забыл и снова позвонит. Но на этот раз мой назойливый клиент не вернулся. Судя по всему, Вересов мчался сейчас домой, к своей Ларочке. Что ж, приятно иногда быть доброй феей.

Ладно, какие тут у меня еще есть срочные дела? Я открыла сейф, положила туда пакет, так красиво отвергнутый Вересовым. Пусть пока полежит, потом решу, что с ним делать. С

отвращением покосилась на полку, где хранятся мои бухгалтерские отчеты. Счета, проводки, главная книга – все, как в бухгалтерии какого-нибудь ЖЭКа. Я однажды заходила в такую бухгалтерию. Надо было разобраться с какой-то растратой, не то в две, не то в три тысячи рублей. Интересное было время, тогда исчезновение трех тысяч рублей считалось серьезным преступлением. Так вот, в той бухгалтерии сидели две солидные тети и одна унылая девица, все трое что-то считали на калькуляторах и записывали свои подсчеты в амбарные книги.

У меня тоже много чего надо считать и записывать в книги. Но раздувать штаты я принципиально не собираюсь. Веду всю документацию сама, лично подсчитываю свои «прибыли» и «убыли». Ничего, кстати, особенно сложного. Окончила двухмесячные курсы, купила хорошую бухгалтерскую программу для своего «Пентиума» и освоила ее. Тут главное – не накапливать отчетность и делать все в установленные сроки. И, конечно же, не забыть, где именно смухлевала. А мухлевать приходится. Ох, приходится... Потому как если не делать этого, мои налоги окажутся значительно выше моих доходов. Я, конечно, стою на страже законов. Но не таких же дурацких...

Кстати, о сроках... Месяц кончился три дня назад, так что надо включать компьютер и жать на клавиши.

Пару часов я занималась своей бухгалтерией с энтузиазмом, потом еще час без всякого энтузиазма. Предлог, чтобы

прерваться, долго искать не пришлось: я захотела есть. Точнее – почувствовала, что скоро захочу. А поскольку я сейчас была абсолютно свободна от сыщицких дел, имелось достаточно времени, сил и желания побаловать себя и приготовить что-нибудь действительно вкусненькое. Глупо жевать вчерашние пирожки или размороженные в микроволновке сосиски, если можешь испечь себе, например, пиццу.

Я отправилась на кухню, быстренько замесила пресное тесто, выгребла из холодильника всякую всячину, которая могла пригодиться для начинки. Окинула взором свои сокровища и порадовалась. Ох, и молодец же я! Ох, и хозяйственный же я человек! Оказалось, имеется все, что нужно: помидоры, яйца, кусок колбасы, лук, пучок петрушки и, самое главное, сыр! Нормально! Пицца будет – объедение... Наверняка на запах кто-нибудь в гости завалится. Не то чтобы я действительно так считала, но на всякий случай сделала пиццу на самой большой сковородке. В конце концов, если никто не придет, можно будет и на завтра оставить.

Как это там в песенке поется: «Предчувствия его не обманули!» Примерно через час я потянула на себя дверцу духовки и убедилась, что пицца дошла до идеального состояния. Только я вытащила и поставила сковороду на стол, как и положено в таких случаях, раздался звонок.

«Мельников», – определила я. С такой точностью на кормежку являлся только он. А мою пиццу Мельников чует с другого конца города. Бросает все дела и мчится на попут-

ном транспорте, чтобы порадовать меня хорошим аппетитом. Вот и хорошо, что Мельников. «Что бы я делала, если бы опять вернулся Вересов?» – пошутила я про себя... Не торопясь (никуда он теперь не денется), я ловко вытряхнула пиццу на большое блюдо, прикрыла чистым полотенчиком и пошла открывать.

Кто, вы думаете, стоял за дверью? Голодный Андрей? Или хотя бы его дружок Витя Самойлов, который мне однажды жизнь спас, и я тогда решила, что буду кормить его до своего смертного часа? Ничего подобного. За дверью стоял Вересов. Этот Вересов, кажется, скоро станет мне сниться. Ну нельзя же так... Прямо как в поговорке: «Только помянешь черта, так он на пороге». Я, конечно, не верю в мистику, приметы и предсказания, но элементарной осторожности, как правило, придерживаюсь. А здесь, видно, дала слабину, не вовремя подумала о своем незадачливом клиенте.

А рядом с улыбающимся Геннадием Валентиновичем на лестничной площадке стояла и улыбалась его супруга Лариса Витальевна.

– Татьяна Александровна, можно к вам? Вы не заняты? – спросил Геннадий Валентинович. Это был голос совершенно счастливого человека. Одной рукой он прижимал к себе бутылку шампанского и большую коробку конфет, а второй придерживал за плечи Ларочку.

– Д-да, конечно...

Я была несколько ошеломлена, но постаралась скрыть это.

Они что, пришли свое примирение ко мне праздновать? А, собственно, почему бы и нет? Я ведь у них теперь вроде крестной матери или еще чего-то такого, уж и не знаю, как это называется. Так что я постаралась улыбнуться им как можно шире и радостней.

– Вы как раз вовремя, у меня пицца готова!

Они прошли в комнату. Вересов немного смущенно вручил мне шампанское и конфеты, я быстро накрыла на стол. Пока я расставляла фужеры и тарелки, гости ворковали на диване. Парочка выглядела довольно забавно. Геннадий Валентинович – все в том же сером костюме, но с блестящими глазами, порозовевшими щеками и очень довольный. И рядом с ним Ларочка – золотистые волосы в художественном беспорядке, открытый ярко-желтый сарафанчик подчеркивает достоинства изящной фигурки, под цвет медовых глаз янтарный кулончик на шее, стройные ножки обуты в золотые босоножки. Легкая, как бабочка, и тоже счастливая. Вересов совершенно прав, недостатка в деньгах она явно не испытывает и пользуется ими довольно практично. Не то чтобы мне стало завидно, глядя на них, но что-то близкое к этому чувству я испытала.

За столом выяснилось, что примиряющие прогулки в парке и катание на каруселях вызывают голод, так что моя пицца пришлась очень кстати. Мне было ее совершенно не жалко, уж очень они нахваливали мое изделие. И правильно делали. Я и сама знаю, что пиццу готовлю великолепную.

Геннадий Валентинович очень ловко открыл шампанское (Ларочка в это время восхищенно следила за ним), поднял тост за мое здоровье. Правда, глядел он при этом на жену. Ничего, мы люди не гордые. Вообще, хорошо посидели. Вересовы наперебой рассказывали подробности своего примирения, я, проявляя приличествующий случаю интерес, слушала и кивала. Когда кончились шампанское и пицца, я сварила кофе и в дело пошли конфеты. Очень хорошие, кстати, самарские, «Золотая коллекция». Не иначе, Ларочка выбирала. Уж она-то должна знать толк в конфетах. Мне бы, исходя из необходимости беречь фигуру – а с этим у меня обычно строго, – следовало конфетами пренебречь. Но какого черта отказывать себе в такой вкусноте, тем более что дело сделано.

За кофейком Вересов перешел к делу.

– Вы знаете, Татьяна Александровна, мы тут с Ларочкой поговорили. – Они обменялись взглядами, и, глядя на них, я вдруг подумала, что сейчас он предложит мне стать крестной матерью будущего ребенка. И отказаться ведь нельзя будет... Но нет, обошлось. – Я все Ларочке рассказал, и она подала прекрасную идею... – Геннадий Валентинович по-петушину вскинул голову, во взгляде его явно читалось: «Я же вам говорил, что моя жена – умнейшая женщина на свете!» – Ведь проблема взаимоотношений с «Менделеевым» осталась по-прежнему чрезвычайно щепетильной. Кто-то передает информацию о нашей работе конкурентам!

Татьяна Александровна, разберитесь, пожалуйста, в этом деле.

Вот так-то... Едва я закончила одно расследование, как наметилось другое. Причем не такое идиотское, как прошлое, а вполне серьезное.

– Это в каком смысле разобраться? – прикинулась я, что не поняла предложения.

– Нам, видите ли, Татьяна Александровна, совершенно необходимо срочно, в самое ближайшее время, выяснить, кто ворует разработанную фирмой технологию. Тогда мы могли бы принять определенные меры...

– То есть теперь вы хотите нанять меня для расследования фактов промышленного шпионажа, направленного против вашей фирмы?

Честное слово, не вру, Вересов сначала посмотрел на Ларочку, она утвердительно кивнула, и только после этого он твердо ответил:

– Да.

Браво, Лариса Витальевна!

– Но я ведь совершенно не разбираюсь в химии, – мне представлялась возможность покобениться, и я, естественно, воспользовалась ею. Ведь после того, что я для него сделала, к другому сыщику он не пойдет. А и захочет пойти, так Ларочка не разрешит. – Таблицу Менделеева представляю себе весьма смутно.

– Да что вы, Татьяна Александровна, при чем здесь хи-

мия! Оставим химию специалистам. Пусть каждый занимается своим делом.

Как же он поумнел за несколько часов!

– Вам надо найти вора. Вы умная женщина. Вначале я вас недооценивал, и напрасно. Вы разберетесь во всем и спасете нашу фирму, я совершенно уверен. И за успешное решение проблемы мы выплатим вам повышенный гонорар.

Мне уже самой стало интересно разобраться с этим промышленным шпионажем.

– Хорошо, – согласилась я. – Считайте, что уговорили. Я займусь вашим делом.

– Прекрасно, – обрадовался Вересов. – Все необходимые условия для работы я вам создам. Предоставлю в ваше распоряжение нужные документы, познакомлю с нашим коллективом... Может быть, завтра вы и сможете начать? Вы не очень заняты?

Не могла же я сказать, что завтра совершенно свободна, что делать мне сейчас нечего и я с удовольствием возьмусь за предложенную работу. Поэтому, открыв записную книжку, с умным видом стала листать ее, бормоча с озадаченным видом:

– Завтра, завтра... Нет, завтра никак не могу... И послезавтра тоже ничего не получится.

Приуныл мой Вересов, приуныл. Вот и хорошо, пусть прочувствует, с каким занятым человеком он имеет дело. «Ну ладно, пора соглашаться», – решила я. Немного задума-

лась и произнесла:

– Подождите... Между десятью и часом... Знаете, между десятью и часом у меня назначена встреча, которую, пожалуй, можно отложить. Между десятью и часом вас устраивает? – ошастливила я клиента.

– Да что вы, Татьяна Александровна, конечно. В любое удобное для вас время.

Мы достаточно быстро обсудили детали, договорились, что завтра к десяти часам я приеду в офис «Химсинтеза», ознакомлюсь, так сказать, с местом действия, изучу обстановку, побеседую с людьми. А там решим, что делать дальше. После этого, поскольку кофе был выпит, а деловые вопросы решены, гости стали собираться. Я проводила их, убрала со стола, помыла посуду. С сомнением посмотрела на компьютер – надо бы поработать еще часок. Но очень уж не хотелось...

Машинально я потянулась за кисетом со своими верными друзьями – магическими костями, покатила в ладонях теплые двенадцатигранники. Ну-ка, что день грядущий, точнее – вечер, мне готовит? Кости покатались по полированной поверхности стола.

«10+20+25». Между прочим, это означает: «Вы поставите себя в неловкое положение с друзьями». Странно. Что же я такое неприличное могу натворить?

Я убрала кости обратно в кисет, подошла к окну. Погода чудная, просто грех сидеть дома. Меня, конечно, никто сей-

час не поведет в парк, не будет катать на карусели и не станет угощать мороженым. Но я и сама могу пойти погулять. Вот и доставлю себе удовольствие.

* * *

Я внимательно осмотрела себя в зеркале – можно, конечно, идти и в джинсах, но мне внезапно захотелось чего-то более романтического, поэтому решила переодеться. Натянула коротенькое лазоревое платьице, все в рюшечках и воланчиках, растрепала волосы, влезла в босоножки на супервысоких каблуках и отправилась на прогулку.

Поболтавшись немного по улицам, я заметила, что почти точно повторила маршрут вчерашней вечерней прогулки Ларисы Витальевны. Шуточки подсознания! В общем, оказалась я перед входом в кинотеатр. «Травиата». А, собственно, почему бы и нет? Вчера я на экран почти не смотрела, а фильм действительно великолепный. Почему бы и мне, в конце концов, не всплакнуть о несчастной любви... Сеанс начался минут пять назад, но билет продали без разговоров, и я под звуки знаменитой «Застольной» торопливо шмыгнула в темный зал.

Возвращаясь после фильма домой, я жалела только об одном – что не позаботилась взять на вечернюю прогулку носовой платочек. Из-за этого не смогла поплакать как следует, от души. Пришлось сдерживаться. Сходить, что ли, зав-

тра еще раз, захватив с собой полотенце? А что, зритель там, похоже, постоянный. По крайней мере, когда зажегся свет и народ, сморкаясь, потянулся к выходу, я заметила несколько знакомых лиц. Две пожилые женщины и мама с дочкой, та, у которой девочка помладше, точно были теми же, что и вчера.

Глава 4

Среди моих знакомых, это я точно знаю, ходят легенды о моей интуиции, о предчувствиях, которые всегда сбываются, и всякой прочей подобной ерунде. Но клянусь, нисколько, вот ни капельки тревоги я не испытывала, приближаясь к собственной лестничной площадке. Размышляла только о том, возиться ли с макаронами или сунуть пару котлет в микроволновку. Но тут же меня осенило: какие макароны, какие котлеты! – дневную порцию калорий я сегодня получила от пиццы, шампанского и конфет. Интересно получается: чем больше заботишься о фигуре, тем больше думаешь о еде... Хотя как же не думать, если постоянно влачишь полуголодное существование. Так что у меня было только одно предчувствие: ужинать сегодня придется стаканом кефира.

Даже когда я уже увидела этого мужика у своих дверей, я еще не встревожилась. Может быть, потому, что была слишком занята: подсчитывала принятые за день калории, коих насчитала около трех тысяч. Явно больше, чем мне полагалось. Такие вот дела. Можно сказать, как птичка питаюсь, как колибри, и все равно плохо. Занудное это дело – подсчитывать калории, всегда их оказывается перебор. Что, естественно, всегда раздражает. Понятно, настроение было не из лучших.

А тут еще какой-то бомж – другого места не нашел – раз-

легся у моего порога, как на собственном диване! Вообще-то наш подъезд и бомжи, и шпана стороной обходят. У нас такие боевые бабки-пенсионерки живут, что всех латрыг давно расшугали. Я даже удивилась, как этому удалось мимо них прошмыгнуть. Наверное, поздно пришел, когда все уже по квартирам попрятались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.